

18+

ХОРОС В.В.

*Чтобы
потомки
знали*

Витольд Вацлавович Хорос

Чтобы потомки знали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559563

ISBN 9785449888167

Аннотация

Книга-автобиография. Подробное описание истории жизни с детства (конец 20-х годов прошлого века) до пенсионного возраста (в настоящее время).

Содержание

1. Детство	5
2. Школьные годы	25
3. Война	44
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Чтобы потомки знали

Витольд Вацлавович Хорос

© Витольд Вацлавович Хорос, 2020

ISBN 978-5-4498-8816-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Час зачатия я помню не точно,
Значит, память моя – однобока...
В. Высоцкий «Баллада о детстве»

Чуть ниже упомянутых строк Владимир Семенович пишет: «Я родился не в муках, не в злобе»... О себе я этого сказать не могу потому, что родился в муках: тащили меня на белый свет щипцами за голову. Свидетельством этой операции был шрам на верхнем веке левого глаза, исчезнувший только годам к пятнадцати. Вытащили меня, если верить старшим, не вполне живым и акушерка Клавдия Степановна Голян возвращала меня к жизни в течение шести часов. Так рассказывали, сам я этого, естественно, не помню. Происходило это в ночь с 14 на 15 сентября 1928 года, а весу во мне было 4 кило с половиной. «Нагуляла» массу мамаша!

1. Детство

Ребенком я был достаточно крепким, спокойным и рос не капризным. Вот только лет до пяти боялся темноты и, ложась спать, требовал, чтобы не закрывали дверь в кухню, откуда падал свет на мою кровать. Жили мы в г. Тобольске, в доме бабушки – Вероники Андреевны – о ней разговор впереди. В раннем детстве она мне была ближе родителей, поскольку, как я предполагаю, взяла на себя заботы по воспитанию детей: меня и двоюродной сестры Вали (дочь Анны – сестры моего отца), которая была на два года моложе меня.

Отец – Вацлав Иванович родился 17 сентября 1906 года в станице Екатерино-Никольской Хабаровского (тогда Амурского) края. В город Тобольск он был привезен родителями в 1912 году. Из-за бедности семьи хорошего образования не получил и с 13-летнего возраста начал работать по найму – рассыльным, конторщиком, выучился на землемера и до смерти работал землестроителем и землемером-картографом. В армии не служил из-за слабого здоровья (переболел туберкулезом).

Мать – Клавдия Алексеевна, 1903 года рождения, из рода Анисимовых, росла в многодетной семье: отец умер рано, оставив жену с 8-ю малолетними детьми. Должного образования не получила (незаконченное среднее), работать начала с 15 лет конторщицей, воспитателем в детском саду

и даже пробовала работать учительницей в начальной школе, но по причине скверного характера была вынуждена переквалифицироваться в счетовода. Так с 1924 года до конца трудовой деятельности работала кассиром, счетоводом, бухгалтером. Умерла в 1994 году в городе Чудово

В доме бабушки, где начиналось мое детство, польская речь звучала чаще, чем русская. Однозначно могу сказать, что наша семья имела польские корни. Да и все ближайшие родственники носили польские имена и фамилии. Почему в Сибири появилось так много поляков?

В январе 1863 год в Польском Королевстве, входившем в состав России на правах губернии, началось так называемое «Повстание styczнёво» (Январское восстание). Оно было далеко не первым, но в 1864 году было подавлено с особой жестокостью. Генерал Муравьев, победитель повстанцев, с гордостью заявил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают» (одним из пяти повешенных декабристов был Муравьев-Апостол).

Шесть тысяч семей поляков было отправлено в сибирскую ссылку. Почти все они пришли через Тобольск, бывший в те годы губернским городом. Большая часть поляков была расселена по городам и весям Сибири практически до Дальнего Востока. В Тобольске осело 200 семей и в том числе наши предки.

Основателями сибирской ветви нашего рода являются Анна Яковлевна Микульская (знатная шляхетская фамилия)

1845 года рождения и Ян Мартинович Хорос 1840 года рождения.

Собрать какие-либо сведения о их жизни и деятельности не представляется возможным. Известно только, что около 1870 года они создали семью и произвели на свет пять сыновей-Яна, Владислава (Владимира), Александра, Константина, Станислава и двух дочек: Брониславу и Марылю.. Старшим сыном был мой дед Ян (Иован или Иван по российским церковным и метрическим записям). В силу каких обстоятельств – неизвестно, дед начал работать по найму с 14 лет, а в 22 года (в 1897 году) был призван в армию и отправлен служить на Дальний Восток. Отслужив действительную службу, в 1900 году возвратился в Тобольск, где встретил свою суженую – Стасюн Веронику Андреевну, 1882 года рождения. Они сочетались законным браком 12 февраля 1901 года против воли родителей деда, за что он был проклят своей матерью Анной Яковлевной, женщиной строгой и властной по характеру. В ответ на ее проклятья дед заявил: «Ну и насеру я на ее могилу»!

Найти хорошую работу главе молодой семьи не удалось, в помощи родителей ему было отказано и они вынужденно переехали на Дальний Восток, где у деда уже были связи в Амурском пароходстве. На Дальнем Востоке они произвели детей: Станислава (1902 год), Ядвигу (1904 год), Вацлава (1906 год) и Анну (1908 год).

В годы жизни в Амурском крае дед дважды принимал уча-

стие в военных действиях: как писал отец в своей автобиографии – по мобилизации на Китайскую и Японскую войны. В действительности «Китайской», как таковой, не было. Русские войска были введены на территорию Манчжурии для охраны, обеспечения строительства и эксплуатации КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) по договору с Китаем. Дорога строилась для надежной связи с военной базой Порт-Артуром и морским портом Дальний, размещенных на арендованной на 25 лет у Китая территории Ляодунского полуострова, а также для сокращения пути к Владивостоку.

Русско-японская война началась 8 февраля 1904 года нападением японцев на русскую эскадру у Порт-Артура и закончилась 5 сентября 1905 года подписанием мирного договора в г. Портсмуте, США. Дед нес службу в охранных войсках и не принимал непосредственного участия в боевых действиях.

В 1912 году семья деда возвратилась в Тобольск и увеличилась еще на сына Эдуарда (1912 год) и дочь Элеонору (1914 год). В 1914 году началась Первая мировая война и деда снова призвали в армию и отправили на германский фронт, где он провоевал до 1917 года. Возвратившись с фронта домой к жене и детям, он опять взвалил на свои плечи тяжкий труд по содержанию семьи. Не имея должного образования и специальности, дед не мог обеспечить многодетной семье достойной жизни и дать образование детям.

Тяжелый труд и плохое питание подорвали здоровье деда и он умер в 1924 году в возрасте 49 лет.

Когда дед, уже в гробу, лежал на столе, приехала его мать – пани Анна. Встав в полный рост на пороге комнаты, она во весь голос спросила: «Ну что, Ваня, насрал ты мне на могилу»? Даже мертвым она не простила своего сына. Такой женщиной была моя прабабка! Ее внуки, и в том числе мой отец, плакали, когда им было необходимо идти к ней с поздравлениями в день ее именин (у поляков принято отмечать день именин, а не день рождения).

Все беды и невзгоды деда в полной мере достались и его жене, моей любимой бабушке – Веронике Андреевне. Рано выйдя замуж, она родила и воспитала шестерых детей, при этом трижды провожала мужа на войну. Все ее дети выросли порядочными людьми, любили свою мать и всю жизнь были ей благодарны за ее заботу и ласку. Будучи добрым человеком, она безропотно несла свой тяжкий крест, помогала чем могла тем, кто был еще беднее ее. Она не отказывала в куске хлеба ни одному нищему. Кажется, что за всю свою жизнь она даже мухи не обидела. Я очень любил ее и не случайно именно в ее честь назвал свою первую и самую любимую внучку. Она как и бабуня, тоже Вероника Андреевна. Хочется верить, что бабушка с небес оберегает свою кровную продолжательницу рода.

Мои родители создали семью в 1927 году и, несмотря на молодость (отцу шел 21-й год), уже изрядно потрудились.

Однако, не имея образования и специальности, работали кем придется. Были трудности и с трудоустройством – в стране была после Гражданской войны разруха, голодные годы и прочие беды. Выбирать было не из чего. С началом колхозного строительства у отца появилась возможность заключить двухлетний договор с выездом на Север. Так началась наша кочевая жизнь. Первым пунктом работы отца в качестве землеустроителя был Ларьяк. В те годы это была страшная глухомань. Добирались до него мы полмесяца: вначале на пароходе до Нижневартовска, а затем на «оказии» – деревянной баржонке, которую буксировал небольшой катеришко вверх по течению реки Вах до Ларьяка. Было это в июне 1933, мне шел пятый год.

Первоначально, пока еще не была подготовлена для нас квартира, мы поселились в частном доме. Хозяин дома – Сигильетов Егор был женат на политической ссыльной и у них было две дочери – одна на год-полтора старше меня, а вторая – примерно моего возраста. Основным занятием Егора была охота и он большую часть времени проводил в тайге. Хорошо помню, что он отлично стрелял из самодельного лука и виртуозно владел самодельным ножом. Этим ножом с рукояткой из оленьего рога он свеживал добытую дичь, резал мясо, выстругивал стрелы для лука и никогда с ним не расставался.

Родители целыми днями были на работе, а поскольку детских садов не было, мы были предоставлены сами себе. Бы-

ла у нас компания из пяти – семи малолеток не старше семилетнего возраста. В теплые дни, пока было светло, играли на улице, чаще – на чердаке сарая, где было немного сухой травы (сена) и висела юкола – вяленая щука – корм для собак, иногда и мы ее жевали вместо ирисок.

Игры у нас бывали всякие, вплоть до непристойных – мы с интересом рассматривали друг у друга то, что имелось у противоположного пола и что было спрятано под одеждой. Те, кто был постарше (а таких было больше) в меру своих способностей и познаний пытались нам объяснить смысл и значение наших половых отличий, а также тайны деторождения.

С наступлением темноты мы разбредались по домам. В темных комнатах заняться было нечем, садились на кровать – я в середине, девочки сбоку, прижимались спиной к стене и «щупали» друг друга до прихода родителей. Свет (керосиновую лампу) зажигать нам было запрещено. Разговоры у нас были, как мне кажется, не детские. Сказок друг другу не рассказывали.

Уже глубокой осенью 1933 года мы, наконец, перебрались в двухкомнатную квартиру деревянного одноэтажного дома с удобствами на улице. Дом стоял на возвышенной части берега Ваха. За стеной у нас была еще одна такая же квартира, а рядом, если я правильно помню, стоял еще один точно такой же дом. Когда мы перебрались в свою квартиру, моя жизнь изменилась кардинально: в качестве гувернантки (ня-

ни) родители наняли Марусю Бутакову, девушку лет двадцати. Она меня кормила-поила, присматривала за моими занятиями. Игры с компанией, естественно, прекратились. Изредка общался с Федором – братом Маруси. Бутаковы были «спецпереселенцами» – так тогда называли раскулаченных, сосланных в Сибирь на «вечное поселение».

Я был невольным свидетелем разговора Марусиной матери с соседкой. Они сидели на завалинке бутаковского дома, и мать говорила: «Дураки мы, дураки! Чертомелили с утра до ночи, ни отдыха, ни скрёса не видели, а зачем? Все равно все отняли! Зато теперь отдыхаем целыми днями!» Она, конечно, преувеличивала, отец Маруси был работяга и охотник. Все у него ладилось: и дом сам построил, и баньку, и из тайги без добычи не возвращался. Наша семья как-то подружилась с ними, пользовалась их баней. Мне было особенно интересно ходить в баню с Марусей, когда родители были на работе. У нее, в моем понимании, была красивая фигура и мне было приятно смотреть на ее прелести, а она меня совсем не стеснялась: подумаешь, пятилетний сопляк – дитя!

Отец активно включился в работу, уезжал на две-три пятидневки (недель тогда не было, они были под запретом как религиозный предрассудок) в тайгу, вел там геодезическую съемку, а затем дома вечерами эту съемку превращал в карту. Карты у него получались великолепные, он был хорошим мастером. В свободное время любимыми занятиями отца

были охота и рыбалка, благодаря чему мы и зимой, и летом жили с рыбой и мясом. Иногда мать покупала оленину или конину и делала пельмени или котлеты. Приходили гости – врач Соколова М. Ф., фельдшер Ирина (кажется, Васильева), еще кто-то. Зимними вечерами собирались небольшой компанией, зажигали керосиновую лампу-«молнию», играли в лото, рассказывали разные житейские истории. Обязательным атрибутом этих «собраний» были кедровые орешки, которых в Ларьяке было множество. Их у нас на зиму был запасен целый мешок. Обходились без выпивки, а при игре в лото чуть ли не каждому «бочонку» была дана своя прибаутка. Например, «десятка» сопровождалась присказкой «десятник Роговский» – такая фамилия была у одного из наших знакомцев – ларьякского строителя прораба Роговского.

В 1934 году пришли в нашу семью беды. Сразу после убийства Кирова началась первая волна массовых репрессий. Первым пострадал младший из братьев Эдуард: как посмел жениться на дочери политического ссыльного меньшевика? - и получил пять лет (всего-то!) Были опубликованы списки бывших предпринимателей и прочих «врагов народа», подлежащих репрессиям. И среди них Хорос В. И. (Владимир Иванович), родной брат моего деда, бывший до революции крупным рыбопромышленником; он имел свои суда, тони, рыбопосольные пункты и другое имущество. Инициалы отца совпали с инициалами его дяди и отец был лишен гражданских прав. Отец начал бороться за правду (ему

до революции исполнилось всего 11 лет, и он не мог быть буржуем), но ни окружные, ни областные власти принять правильное решение не захотели (или побоялись)?

Между тем подошло лето и, как всегда, когда лето подходило к макушке, начинались приготовления к поездке в отпуск. Я заранее радовался предстоящей встрече с братьями, сестрой, друзьями, бабуней. А еще мне очень нравились поездки на пароходах. Я мог часами смотреть за работой матросов: как моют шваброй палубу, готовят «лёгость» для заброса на берег швартовых, замер глубины реки на перекате наметкой с совершенно непонятными «не маячит», «подтабак», «семь с половиной»! и так далее.

Не знаю, какой продолжительности отпуск полагался при работе на Севере, но хорошо помню, что почти всегда лето я проводил в Тобольске, в доме бабушки Вероники. В 1934 году, через год после начала работы в Ларьяке отец получил отпуск с 1 июля до 1 октября.

На этот раз родители погостили в Тобольске недолго и уехали в Омск – в то время наш областной центр. В Омске жила какая-то родня, но думаю, что главным было не гостевание, а хлопоты отца в связи с незаконным лишением прав. Опять же предполагаю, что результат был если не нулевым, но и не положительным. Скорее всего, было традиционное: разберемся! Поздней осенью 1934 года мы возвратились в Ларьяк.

25 июня 1935 года отец уволился из Ларьякского райзе-

моддела в связи с окончанием договорного срока и мы снова приехали в Тобольск. Практически одновременно с нами приехали гости из Москвы – старший брат мамы Николай с семьей. Жить они остановились в доме бабушки Татьяны (родительский дом и матери, и Николая), где жила семья Благодоровых – старшей из сестер – Павлы. Вероятно, на совете родственников было решено ехать отцу в Москву, в Верховный суд.

Поездка в Москву произвела на меня очень сильное впечатление. Во-первых, было только что пущено одно из чудес – метро. Еще коренные москвичи не успели в полной мере оценить это чудо, так что уж говорить о нас, провинциалах. Осталось незабываемое впечатление о посещении ипподрома, но не от лошадей, а от присутствовавших на бегах красных маршалов Ворошилова и Буденного. Остались в памяти аттракционы ЦПКО им. Горького, полив улицы Беговой (где жили Анисимовы) дворниками, во время которого я вместе с двоюродными братьями (детьми Николая) в одних трусиках лезли под водяные струи. В эти же дни я впервые отведал груши. Когда мы возвращались в Тобольск по Казанской железной дороге, на станциях торговали яблоками, но не развес, а ведрами. Для меня это было желанное лакомство – в Сибири яблоки еще не выращивали.

Заканчивая отпускную тему, необходимо сообщить читателю, что время это было лучшим в моем детстве. Мы хорошо ладили с сестричкой Валентиной – она вечно ходила

с коростами на коленках, а бабуня говорила, что ее «святая земля не носит». Бабуня нас хорошо кормила, но бобы-горох, огурцы-морковь из огорода давала дозировано, рвала их только сама и для каждого в отдельную миску. Зелень получал только тот, кто съест ненавистную тыквенную кашу (тут Валентина была вне конкуренции)! Спать укладывала на полу, постелив нам общую постель, но обязательно поверх общего одеяла между нами клала большое (около метра) и толстое березовое полено (на всякий случай)!

Между делами учила нас польским стишкам: «Вляс котэк на плотэк» и так далее. Уже много позднее я горько сожалел о том, что не стремился освоить польский язык тогда, когда для этого были все возможности, а бабуня не проявила должной настойчивости.

После увольнения из Ларьякского райзема отец заключил подобный договор с Шурышкарским райземотделом и мы поехали жить в село Мужы. Случилось это 25 сентября 1935 года. Наша жизнь в Мужах начиналась примерно так же, как в Ларьяке: квартиру для нас еще только готовили и мы поселились в частном доме. Если я правильно помню, фамилия хозяев была Коневы. Это была молодая семья, у них был один ребенок – мальчик в возрасте около года или чуть больше. В доме было очень тепло, ребенок бегал по всем комнатам в короткой рубашонке, без штанишек, и справлял не только малую, но и большую нужду где придется. Его бабушка постоянно ходила по дому с тряпками

и убирала «творения» внука.

Еще не наступила пора осенних холодов, но отец где-то простудился и слег в постель с многочисленными нарывами на ногах и в подавленном настроении. Тогда я впервые услышал, что отец поет. Чаще всего он пел:

Товарищ, товарищ,
Болять мои раны,
Болять мои раны в глыбоке.
Одная заживает,
Другая нарывает,
А третья открылась на боке...

Я наивно полагал, что эту песню отец сложил сам про себя, а его тоскливое пение связано с болезнью. Однако вскоре все переменилось: отец получил «казенную» бумагу, которую ждал уже больше года, в которой было подтверждено, что с него сняты все обвинения и он реабилитирован.

В один из первых дней жизни на мужевской земле, во время болезни отца, мама спросила у хозяйки дома, где можно купить рыбы. Та ответила, что всегда придают рыбу на берегу Оби, сразу за магазином. Там останавливаются рыбаки-националы. Схема простая: рыба – деньги – магазин – водка.

Мы с матерью пошли на берег. Там стояла всего одна лодочка-«душегубка», на корме сидел старик-остяк и курил трубку (не знаю почему, но тогда всех «националов» в Омской области называли остяками – они были как бы людьми

«второго сорта», с детским складом ума). Мать спросила:

– Рыба есть? – и получила в ответ:

– Рыба нету, щука есть!

Судя по всему, в Мужах, как и в Ларьяке, аборигены щуку в пищу не употребляли, она шла только на юколу, на корм собакам. Между прочим, уже в 60-е годы этого не было, щуку они ели за милую душу.

С получением реабилитации, к отцу вернулась его обычная жизнерадостность и энергия. Мы вселились в подготовленную для нас квартиру: две смежные комнаты в трехкомнатном деревянном доме с общей кухней. В третьей комнате жила женщина с ребенком лет пяти.

Родители ходили на работу, а я был предоставлен сам себе. Часов в 12 дня устраивал себе «перекус» (чаще всего хороший кусок малосолевой осетрины), а обедали уже после 16 часов, когда родители приходили с работы. В Мужах я впервые в жизни попал в кино – его показывали в здании церкви (бывшей). Это был фильм (звуковой!) «Чапаев». Для меня это было потрясение, но второй фильм, увиденный в Мужах, «Поэт и царь», показался мне неинтересным и скучным. Он не произвел на меня ни малейшего впечатления.

Когда наступила зима, я пристрастился к лыжам. Крутые, хотя и не очень длинные спуски к реке были отличными горками для лыж и для санок, и на них всегда было много дежворы. В первую зиму меня обули в чижи и кисы – традици-

онную обувь националов. В селе была большая диаспора зырян (так называли людей народности коми), составлявших большую часть населения села. Женщины этой народности были большими умелицами шить одежды националов из меха оленей и диких зверей. Вместо ниток они использовали специально выработанные жилы, которые выдерживали любую сырость и не гнили.

На льду Оби, занесенном снегом, подростки устраивали ловушки (опять же из жил) на снегирей, но не тех снегирей – серых с красной грудкой, которые хорошо известны, а на совершенно белых и более крупных (размером с голубя). Добыть таких птиц считалось большой удачей – они были деликатесной пищей.

В начальный период жизни в Мужах у родителей начали складываться похожие на дружбу отношения с семьей Новицких: муж, жена и чья-то мать. У них было трое детей: дочь Ариадна – моя ровесница, сын Валерий – на год старше и еще один сын, совсем маленький – года три. У меня со сверстниками отношения не сложились из-за Вальки: он уже учился в первом классе, был заносчив и драчлив. Не нашёл я друзей и среди «аборигенов». В светлое время суток я играл в общие игры «толпы», а когда темнело – играл дома со своим любимым парходом (модель одного из реально ходивших на линии Омск – Салехард судов, размером около полуметра, сделанная местным умельцем). Пределом моих мечтаний был заводной автомобиль, такой, какой я видел

в магазине в Москве. Моей мечте не суждено было сбыться.

Весной 1936 года я впервые узнал, что такое «белые ночи». Было это, я думаю, в середине мая. На площади около школы была спортивная площадка, где взрослые парни играли в волейбол. Игра настолько захватила меня, что я перестал замечать время. На улице светло, как днем. Но что-то подсказало мне, что времени прошло немало и пора домой. Двери дома на ночь не закрывались, и я без помех вошел в квартиру. Родители уже легли спать, чему я был немало удивлен. За мой «загул» мне попало, как богатому, но отец все-таки осознал, что виной всему была белая ночь. Но ужина я все-таки лишился.

Как и в Ларьяке, отец частенько исчезал на десять – пятнадцать дней в каком-нибудь из лесхозов на геодезических съемках, знакомился там с ненцами и остяками, жил в чумах, приезжал грязный и, как правило, завшивевший. Мать приводила его в «цивилизованный облик», а иногда его новые знакомые приезжали к нам (всегда с подарками – стерлядками, олениной или с осетриной) и даже порой ночевали. Мать называла отца как и положено «Вацэк», над чем аборигены ухохатывались. Выяснилось, что на их языке вацик – это рукавичка. Удивлялись, почему жена так непочтительно называет хорошего человека. Они-то его называли Василием Ивановичем (к слову, иногда и меня, в том числе на заводе в Чудово, работяги называли часто Виктор Васильевич).

Не столько курьезный, сколько знаковый случай произо-

шел во время одной из длительных отлучек отца. Обще­до­ступной бани в поселке не было, но построили небольшую хорошую баню (на восемь – десять посадочных мест) при милиции. Работала она по определенным дням (день для мужчин, день для женщин). В нее доступ был разрешен только «избранным», в том числе и отцу с семьей. Поскольку папы долго не было, мать решила в женский день взять меня с собой. Когда мы, раздевшись в предбаннике, вошли в моечное отделение, мывшиеся там женщины, человек пять, прикрываясь тазами или вениками, заорали на мать: «Ты бы еще мужика привела»! Мать оправдывалась, что он (то есть я) еще несмышленный ребенок, он сядет вон там в уголке и на вас смотреть не будет. Возможно, так бы все и было, но... одна из мывшихся женщин поразила мое воображение. Когда все успокоились, я сидел в «своем» уголке, мать начала готовить тазы с водой, один из которых поставила мне. А я не мог не посматривать на одну из мывшихся женщин, груди которой больше походили на две огромные дыни и величественно колыхались при каждом ее движении. Я буквально окаменел от невиданного зрелища: такого не может быть!

Так или иначе, но помывка состоялась и все закончилось, казалось бы, без последствий. Ан, нет! Вид подсмотренных мною в бане титек не уходил из моей памяти. Скажу больше – этот образ остался для меня одним из символов настоящей женщины, эталоном женского обаяния и женской привлекательности.

С наступлением теплых дней отец все чаще стал брать меня на рыбалку, а пару раз и на утиную охоту с ночевкой в шалаше на берегу озера. Мне передавался азарт и страсть отца. Я начал понимать, что это не просто способ «убить время», как говаривал отец, отвечая на вопрос «Убил кого-нибудь»? Охотник радуется не тому, что убил утку, а тому, что он сделал меткий выстрел, рыбак радуется попавшей в поставленную снасть крупной рыбине потому, что он удачно поставил эту снасть. Все рыбаки и все охотники имеют первоначально равные возможности, но один возвращается с богатым уловом, а другой действительно только «время убьет». И дело тут отнюдь не в везении. Как говорил великий Суворов: «Раз везенье, два везенье, помилуй Бог, надо же и умение иметь»!

Летом 1936 года был последний отпуск для моего отца. Остановившись на несколько дней в Тобольске, он вместе с мамой снова уехал в Омск, а я остался с бабушкой и Валентиной. Мне и в голову не могло прийти, что с бабушкой я вижу в последний раз, а Валя исчезнет из моей жизни на целых 16 лет. Возвращение родителей из Омска чуть не закончилось трагедией: на пароходе у матери началось обострение внематочной беременности и ее чуть живую прямо с пристани увезли в больницу. Операция закончилась благополучно, но, говорят, она была на краю...

Живя в Тобольске до июня 1933 года и приезжая домой с Севера во время отпусков, мы общались главным образом с представителями польской диаспоры. Воспоминания об-

рывочные: любил ходить в гости к тете Зосе, кажется она была сестрой (возможно двоюродной) бабушки. Она жила на горе, у нее был небольшой садик и она угощала собственными ягодами. Бывали в гостях у тети Марыли (по моему, сестра деда) Шукст за Абрамовским мостом – там были ребята Костя, Ясь, еще кто-то. Но общались с ними только на русском языке, а на польский переходили только если оставались одни поляки.

Мы возвращались в Мужы в августе, мне предстояло в сентябре идти в первый класс, родителей ждала работа. Как обычно, пароход стоял в Самарово часа три – четыре, поэтому отец решил, взяв меня с собой, сходить к своему старшему брату Станиславу. Путь в Остяко-Вогульск был не очень близким, но отец всегда был «скороходом». Не знаю, чувствовали ли братья, что видятся в последний раз, но они хорошо выпили и обсудили проблемы больной матери – бабушки Вероники.

Когда возвращались на пароход – мама оставалась в каюте одна – ноги отца «выписывали вензеля» и на мой вопрос: «Почему?» – он ответил, что соленый муксун, подаренный братом, болтается в берестяном туесе и сильно «болтает».

Несмотря на мою привязанность к нашей польской родине, мне доставляло несказанную радость посещение нашей Анисимовской родни: бабы Тани и братьев Благонравовых – Алеши и Жеки. Братья были старше меня (Алеша – лет на пять, Женя – на два года), но они никогда не унижали ме-

ня и не помыкали, хотя равным, вероятно, не считали. Через них я был «вхож» в компанию ребят значительно старше меня и от них я многому полезному научился и много «плохого» набрался. От них я заочно познал законы школьной жизни: не будь ябедой, не выдавай провинившегося, не поддавайся тому, кто сильнее тебя. Шел 1936 год и мои детские годы заканчивались. Скоро мне исполнится 8 лет и меня ждет школа.

2. Школьные годы

1 сентября 1936 года я пошел в школу. Родители никогда не делали попыток до школы учить меня читать-писать, поэтому азы науки давались мне нелегко. Моими одноклассниками были Новицкие Ариадна и Валерий. Он был второгодником и в первые пару месяцев получал более высокие оценки, чем я. Во втором полугодии все изменилось: я незаметно вышел в число лучших по успеваемости и это стало поводом для Вальки как-то унижить меня при каждом подходящем для этого случае. Иногда он и кулаки в ход пускал, поскольку был старше и немного сильнее. Все закончилось тогда, когда я, не выдержав, сорвался, а накопившаяся во мне злость придала сил: я здорово его отлупил (сыграл свою роль пресловутый фактор внезапности). Вечером к нам прибежала его бабушка с жалобой на мое «хулиганство». Отец, выслушав ее, выставил за дверь, сказав, что когда Валька бил меня, мы к ним с жалобами не ходили. Больше Валька меня терроризировать не пытался.

В самые первые дни учебы, когда наша учительница спросила, кто может изготовить небольшие картонные карточки с буквами, чтобы можно было складывать слова (например, МАМА, ПАМА...) я, полагаясь на картографические способности отца, вызвался выполнить эту работу. Когда я, рассказав отцу о задании, попросил его написать эти буквы, он

резонно сказал: «Ты вызвался, ты и делай»! Я был в шоке от решения отца, но опозориться перед классом не мог. Пришлось «пыхтеть» самому. Намучившись, но сделав дело доброту, я понял, что «продавать» чужие способности нельзя. Предлагать можно только то, чем сам располагаешь. Это был урок на всю жизнь, но однажды я его забыл. Это было уже на заре моего директорства.

Учебный год я закончил вполне прилично, даже с премией! Вот только по дисциплине были у учительницы ко мне претензии (годовая оценка «уд.», «удовлетворительно», что соответствует современной «тройке»): был я непоседлив, несдержан, невнимателен и еще много «не». Хулиганом не был, но шило в заднице покоя не давало.

Кто и почему принял решение отправить меня на отдых в пионерлагерь в село Кушеват – не знаю. Для этого пришлось срочно принять меня в пионеры. Мне было всего 8 лет и раннее «пионерство» переполняло меня гордостью. К слову следует сказать, что в семье не было даже намека на антисоветские настроения, меня воспитывали в духе патриотизма (даже Павлик Морозов был для меня примером).

В пионерлагерь я ехал охотно (по реке!), но мой пыл быстро остыл: в лагере кормили плохо, было неинтересно, да еще и окружение было «национальным» – отряды были укомплектованы в основном детьми, выросшими в тайге, в тундре, в чумах, и у них были свои привычки и свой уклад жизни. Захотелось домой. Вскоре такая возможность

мне представилась и фортуна мне улыбнулась. Гуляя (как всегда, в одиночестве) на берегу Оби, я увидел катер с паузком (грузопассажирская деревянная баржонка) и знакомого по Мужам капитана. Узнав, что они вот-вот отправляются в рейс к Мужам, я попросил его забрать меня. Получив согласие, бегом побежал в лагерь, собрал свои пожитки и успел стать бесплатным пассажиром.

На паузке собралось всего около десятка пассажиров, в том числе две женщины. День был теплый, солнечный, погода тихая, все пассажиры сидели на палубе. В кубрик, расположенный в трюме, никто не рвался. Как-то незаметно с палубы исчезли один из мужиков и женщина. Вскоре мужики один по одному стали подходить ко входу в кубрик и, посмеиваясь, возвращались к общей группе. Меня разобрано любопытство и я тоже решил заглянуть вниз. В кубрике на лежанке, расположенной у стенки прямо напротив входа полуголый мужик и женщина совершали действия, до этого мною никогда не виденные. По своей природной догадливости я понял, чем они заняты, хотя об этом имел весьма скудное представление, но поскольку видеть это все-таки доводилось у животных (если быть совсем точным – у собак и лошадей). Шокированный увиденным, я отошел на свое место, но что важно – никто из взрослых не подал вида, что мое любопытство было замечено. Просто ничего не изменилось. Вскоре мужик из кубрика снова поднялся на палубу и, выслушав со смехом положенную долю шуток, как ни в чем

не бывало, присоединился к общей группе. И женщина поднялась на палубу, но несколько позднее.

Мой побег из лагеря родителями был воспринят совершенно спокойно и не имел каких-либо последствий (во всяком случае, для меня). Забегая вперед, скажу, что в пионеры меня принимали еще раз, но это было уже в Тобольске, когда пришел черед вступать всем ученикам нашего класса.

В последних числах июля мы получили телеграмму из Тобольска о возвращении из отпуска в Салехард (тогда еще Обдорск) маминной сестры Агнии с сыном. Пароход в Мужы прибывал 3 августа и накануне отец решил принести на пароход свеженькой рыбки. Сразу после обеда 2 августа мы сели с ним в нашу лодку и поплыли к перемету, поставленному всего метрах в тридцати от берега, почти напротив нашего дома. Около знатчика (маячка из обрезка дерева, длиной около метра) отец принял решение, ставшее роковым: спустить перемет ниже по течению, где был лучше клев, и встав во весь рост, начал тянуть якорь, прочно засевший в илистом грунте. Когда ему удалось выдернуть якорь, он по инерции резко качнулся назад и опрокинул нашу лодченку. Мы оказались в воде. Ветер был не сильный, волны не очень большие, отец приказал мне держаться за него и поплыл к берегу, а я, посчитав, что знатчик надежнее, отцепился от отца. Думаю, что когда отец обнаружил мое отсутствие, его сердце не выдержало.

Люди на берегу сразу заметили катастрофу и в большой

лодке поплыли спасать нас. Когда меня вытащили из воды, я уже был без сознания и очнулся только когда лодка подошла к берегу. Отца рядом не было. Когда какие-то люди привели меня домой, мать с приятелем все еще сидели за столом – все произошло настолько быстро! Вечер 2 августа и весь день 3 августа люди неводом искали тело отца и нашли его только утром 4-го. Он не был похож на утопленника, в его желудке не было воды: он умер от разрыва сердца, испугавшись за меня. Так не стало самого дорого мне человека.

Утром 3 августа пришел пароход и Агния, узнав о трагедии, осталась в Мужах, поддержать свою сестру и разделить ее горе. Хоронить отца вышла добрая половина села. Если я правильно помню, на кладбище впервые появился не крест, а деревянный обелиск красного цвета со звездой на вершине, хотя отец не был ни военным, ни коммунистом. Все решали без нас местные власти. Через несколько дней мы уже вчетвером уехали из села в Салехард, а прожив там неделю, возвратились в Тобольск.

Мне жаль вспоминать об этом, но вскоре, через каких-нибудь пару недель, я не замечал, что мать убита горем. Начала сказывать ее деятельная натура: решение вопроса с возвращением в дом бабушки (она умерла зимой 1936 года), в котором жили арендаторы-квартиранты; были спрятаны под замок новые костюмчик и туфли-баретки, купленные для меня по настоянию тетки Агнии (они так и не были изношены, так как я вырос из них); со своим трудоустройством; с пенсией

для меня в связи с утратой кормильца; с оформлением меня в школу. Почти незаметно, с пустяков, начал проявляться ее деспотичный характер, за который она еще в молодости получила от родных сестер кличку «грыжа».

В последних числах августа (мы все еще «временно» жили в доме бабушки Татьяны) она принесла книжку про трех поросят и злого волка и, в порядке «подготовки к школе» заставила меня читать ее вслух. Для меня это чтение оказалось «иезуитским» наказанием – мало того, что я не верил в рассказы про поросят, так ведь читать-то эту чушь надо было вслух. Закончилась эта «экзакуция» тем, что я возненавидел сказки.

В дом бабушки Вероники мы вселились в конце августа. Пока устроились в одной комнате (так называемой спальне), а в двух других – квартиранты. Мы окончательно, всерьез и надолго осели в Тобольске. На этом, я думаю, и закончилось мое детство и началось отрочество. Оно было каким-то сумбурным, не было стабильности: новые школы, а мне пришлось их менять, к сожалению, слишком часто; новые учителя, и не только в школе, но и на улице, а под «улицей» я понимаю всю среду обитания, включая соседей, друзей, родственников; новый уклад жизни – не стало отца, который определял и уклад жизни, и взаимоотношения в семье, а для меня был образцом для подражания. Если при жизни отца я не был избалован материнской лаской, то теперь и вообще лишился ее. И причин было несколько.

Наше возвращение в Тобольск совпало с началом разгула репрессий НКВД. Один за другим исчезали родственники, друзья и просто знакомые польского происхождения. Некогда многочисленная польская колония практически исчезла. Аресты захватили не только поляков. Был арестован Благонравов Вениамин – муж старшей сестры мамы, тети Паны, отец моих самых близких братьев Алеши и Жени. Вскоре дошла весть, что в Остяко-Вогульске арестован старший брат отца Станислав, а я впервые подумал: смерть отца спасла его от ареста, а меня от клейма «сын врага народа». Исчезли Шуксты – родственники по отцовской линии. Вскоре арестовали нашего квартиранта Бржезовского – просто бухгалтера. Однако и этого было мало, дело дошло до того, что арестовали сына Бржезовских Анатолия, его подружку Марусю Карпачеву и их приятеля Леву Львова – все они были учениками 9 класса средней школы и я невольно подумал: когда же эти 15-летние подростки успели стать матерями «врагами народа» и получить срок 10 лет лагерей. Мать Анатолия, женщина неприспособленная к жизни, с высшим гуманитарным образованием, с большим трудом устроилась работать уборщицей в парикмахерскую при городской бане. И с квартиры она съехала, вот только не знаю – добровольно или моя маманя заставила. Именно об этом времени поэт Роберт Рождественский написал:

Полстраны уже сидят,
Полстраны готовятся.

Так оно и было: многие, ложась спать, держали наготове узелок со всем необходимым для тюремной жизни. Мы, второклассники, не успевали зачеркивать в школьных учебниках имена героев Гражданской войны: Якира, Уборевича, Егорова, Тухачевского, Блюхера... А ведь Блюхер был хорошо известен в Тобольске – именно его дивизия освободила город от белых, а муж маминой сестры Евгении Маркин-Вяльцев М. М., бывший первым военкомом Тобольска, командовал одним из полков этой дивизии.

Родной брат матери Андрей служил в те годы следователем НКВД, а все родственники боялись при нем лишнее слово сказать. Когда пришло сообщение об исчезновении экипажа прославленного летчика Леваневского, я в присутствии дяди Андрея высказал удивление: «Как так пропал? Он же челюскинцев спасал! Он не мог пропасть!», то мать получила четкое указание от брата: «Укrotи язычок своего щенка! Давно на допросах не была?». А он знал, что говорил: из-за неосторожного слова ребенка арестовывали родителей – не вы ли научили своего дитятко крамоле? Страх прочно поселился в душах людей, боялись разговаривать на работе, на улице, в магазине и даже дома на собственной кухне. И только моя вторая бабушка Татьяна ничего не боялась и продолжала чернить Сталина как могла.

Мою маму многократно поздно вечером забирал из дома НКВДшник и уводил на допрос. Возвращалась она под утро и не выспавшаяся шла на работу. Позднее она расска-

зывала, что эти допросы были до примитивности односложны: «Что ты можешь сказать об этом..., а что знаешь о таком-то..., расскажи чем занимается Н..., а что говорил...» и так далее. Ничего конкретного, никаких обвинений, просто элементарный сбор компромата на каждого подозрительного или просто заметного гражданина. Все эти допросы и постоянный страх возможного ареста не способствовали смягчению и без того скверного ее характера.

1 сентября 1937 года я пошел во второй класс начальной школы №7. Школа была небольшая, деревянная, всего на 4 класса. Это было угловое здание со входом с Пионерского переулка, того самого, где стоял и родительский дом матери. В этой же школе учился Евгений – он был второгодником в 3 классе. Учился он из рук вон плохо, но не из-за того, что был тупой, а по причине феноменальной лени. Кроме футбола летом и лыж зимой его ничто не интересовало. Контингент в классе был достаточно однородный, не было ярких «звезд», но и тупых вроде бы не было. В памяти сохранились фамилии нескольких одноклассников – Войцеховский Сергей, Мальцев Ансифер, Шестаков, Клюев Геннадий, Полякова Ольга, Яркова Надя, Басаргина, Слепова. С большинством из них меня судьба разводила и снова неожиданно сводила. Со многими из них я учился еще и в 3-м классе.

Не могу сказать, что ко мне плохо относились мои одноклассники, но во время хорового пенья, очень в те годы модного, при исполнении ура-патриотических песен, например:

...помнят псы-атаманы,

Помнят польские паны

Конармейские наши клинки...

на меня обязательно указывали пальцами, так как я был единственным «польским паном». Во время каких-либо стычек или ссор мне кричали: «поляк людей кушает – костей не разбирает». Таков был настрой «темной» части населения – раз поляк, «значит людоед».

Зимой 1937/38 годов и летом 1938 года чаще всего я обретался у братьев – в том самом Пионерском переулке. У Леша были книжки с картинками (хорошее издание А. Дюма), а с Женей – лыжи, а позднее футбол. Но я был самым младшим в их компании и со мной не очень считались, но когда мы оставались в доме втроем (бабушка Таня вела хозяйство и часто ходила на рынок), начинались развлечения отнюдь не детские и способствующие моему скорейшему взрослению: похабная ругань, рассказы, действия, а уже лет с десяти – курение. Первые затяжки мне давались трудно: кружилась голова, появлялась тошнота, но пересиливало желание скорее сравняться со старшими.

Постепенно у меня появились другие друзья – ребятня из соседних домов по Менделеевской улице. Важно отметить – в каждой уличной компании ребят характер игр и развлечений определялся лидером: его интересы становились интересами всей компании. В нашей компании я оказался старшим и стал неформальным лидером.

Когда я пошел в 3 класс (1938/39 учебный год), к нам стал захаживать Георгий Алексеевич Усолкин. Я называл его просто «Дядя». Мне как-то не приходила в голову мысль, что это любовник матери. В то время мне еще вообще понятие «любовник» не было знакомо. «Приручая» меня, он принес отлично изданную книгу «Пятнадцатилетний капитан» и, очевидно, зная мою нелюбовь к чтению (вспомните трех поросят), начал читать ее вслух. Чем дальше, тем сильнее меня захватывал сюжет книги и я уже с нетерпением ждал его очередного прихода, а «нетерпеж» заставил меня попробовать читать самостоятельно. Мое отвращение к книге начало переходить в свою противоположность. Чтение все больше захватывало меня и, когда закончилась первая книга, я начал искать другую, а вскоре записался в городскую детскую библиотеку. Я стал «алкоголиком» книги и уже не мог обходиться без чтения. Вместе с этим начала заметно повышаться успеваемость в школе, хотя и до этого я никогда не был в числе отстающих.

А история с Георгием Алексеевичем закончилась тем, что где-то в конце весны – начале лета 1939 года мать вышла за него замуж (неофициально) и мы переехали в его дом на улице Урицкого. Вот только за эрзац-отца я его не признал, он так и остался навсегда для меня «Дядя».

В нашем квартале на улице Урицкого тоже была своя компания пацанов лет 12 – 14 и лидером у нас был Гошка Ковригин – самый старший из нас (уже в конце 1943 года его при-

звали в армию). Улица отличалась девственной чистотой газона, это было по сути природное футбольное поле. Поскольку у меня был настоящий футбольный мяч, я был принят в «команду» безоговорочно и игра в футбол была нашим главным занятием. Играли с утра до вечера с короткими перерывами на «кормежку».

Напротив нашего дома на газоне лежал небольшой штабель бревен для ремонта дома. Эти бревна стали нашим «штабом» – здесь происходили все наши сборы, споры, «толковища» и прочие важнейшие ребячьи мероприятия.

У Г.А. было два велосипеда, неслыханное богатство по тем временам, и я получил «допуск» к ним. Учить меня взялся Петя Кондрахин. Он не входил в нашу компанию, поскольку был старше нас всех – ему уже было 16 и он учился в педтехникуме. Дружил он со мной, так как на сеновале нашего сарая была большая корзина (по сути – сундук!), полная книг и старинных журналов, в том числе полные комплекты журналов «Нива» за 1905 и 1906 годы! Кроме того, у меня был настоящий кинопроектор с ручным приводом, я на нем «крутил» обрывки лент из настоящих кинофильмов, так что дружить со мной у Петра был большой интерес.

Обучение езде на велосипеде было недолгим и успешным, если не считать, что в первый же день обучения я на полном ходу врезался в столб электро- и радиоснабжения, за что немедленно получил прозвище «столбогрыз».

В нашем же квартале жили и более взрослые парни, ко-

торые в наших играх участия не принимали (уже женихи!), но изредка собирались вместе поиграть в лапту. В игру принимали нас – «мелюзгу». Уже в то время я очень быстро бегал и любил «нарываться», надеясь на свои быстрые ноги. Но однажды я все-таки нарвался на поистине «пушечный» бросок мяча: он попал мне в правую ягодицу и я взвыл от «адской» боли. Это был бросок младшего из братьев Махлоновых (имя уже не вспомню). Забегая вперед, сообщу, что он не вернулся с фронта, а его старший брат Саша оставил на войне ногу, вернулся в Тобольск не костылях и женился на сестре Петра Кондрахина Зое.

В сентябре 1939 года я пошел в 4 класс школы №3 (опять же начальная – всего 4 класса). В одном классе со мной оказался Клюев Геннадий – мой «враг» по школе №7. Только здесь у меня уже не было защиты в лице брата Евгения, а у него – целая компания во главе со старшим братом Александром. Несколько раз мне не удавалось избежать встречи с ними и меня крепко поколачивали. Учебный год не ознаменовался чем-либо выдающимся, закончился без приключений и меня перевели в 5-й класс в школу №11 – уже семилетнюю.

С отчимом у меня близких отношений не получилось, он по своему характеру и образу жизни сильно отличался от отца. Но с матерью они жили душа в душу: оба бережливые, запасливые, друзей не заводили, общались только с родственниками. О моем воспитании особенно не бес-

покоились: учусь неплохо, не хулиган, так что беспокоиться не о чем. Отдалившись от братьев я и курить перестал.

У Г.А. было два брата и сестра. Старший брат Иван был хорошим сапожником, у него было две дочери – Люба (медсестра, погибла на войне в Сталинграде) и Алевтина, немного старше меня, летом 1940 года мы с ней случайно оказались в одном пионерлагере в с. Абалак. Году в 1947 она почему-то недолго жила с нами в нашем отчем доме на улице Менделеева. Второй брат отчима Василий в Первую Мировую войну был в германском плену, его дочь Зоя была года на три – четыре старше меня. Мы с ней общались редко, только когда бывали в гостях у Василия. У них я познакомился с подружкой Зои – Шурой. Естественно, с ними я был почти на равных, во всяком случае на «ты» и без «бемолей». Я тогда и предположить не мог, что пройдет совсем немного времени и эта Шура, с которой я сегодня «запросто», превратится для меня в Александру Ефимовну – преподавателя биологии и классного руководителя в параллельном классе.

Сестра Г. А. Наталья была замужем за Григорием Балиным (его я никогда не видел и ничего о нем не знаю) и у нее было два сына – Виктор и Константин. С Виктором отец когда-то вместе работал и они были хорошими друзьями. Виктор прожил долгую жизнь, иначе сложилась судьба у Кости. Он был фельдшером, жил в Салехарде, женился в 1938 году, а в 1939 его призвали в армию. Детей они нажить не успели. Служить его (по специальности) отпра-

вили на западную границу и он принял участие в разделе Польши – освобождении Западной Белоруссии, после чего их часть стояла в м. Кальвария на самой линии разграничения с Германией. Война к ним пришла в первые минуты ее начала.

Разрозненные группы безоружных военных отступали (бежали) в сторону Литвы. 28 июня их группу предал литовец и немцы взяли их (пять – шесть человек) в плен без единого выстрела. Попал в лагерь в Восточной Пруссии под Фридландом. Находился в этом лагере до 1944 года и выжил только за счет своей специальности – немецкие врачи признали его как врача и обеспечили ему более-менее терпимое содержание. Да и свои военнопленные оберегали, как могли.

С началом боев в Восточной Пруссии пленных погнали по льду Висленского залива на Запад. Костя за годы плена уже настолько ослаб, что идти самостоятельно не мог, его несли под руки. Освободили его 2 мая 1945 года канадцы. В Тобольск он вернулся самым первым из числа военнопленных осенью 1945 года в форме канадской армии. Безупречное его поведение в плену было подтверждено многими пленными в фильтрационном лагере, он успешно прошел «фильтрацию» и был освобожден. Только дома ему все равно не было спокойной жизни и он с семьей был вынужден перебраться в Салехард, где было меньше придирок.

Жена Кости Ася (Васса Георгиевна) – женщина безупречного поведения. Всю войну (она переехала к матери Кости

еще до начала войны) работала преподавателем в учительском институте, верила в то, что муж жив и ждала его. Она была всего на восемь лет старше меня и я всегда любовался ею, как женщиной и восхищался супружеской верностью. Для меня она навсегда осталась идеалом женщины.

Мать Г. А. – Матрена Николаевна не оставила в моей памяти заметного следа. Относилась она ко мне как к «чужаку» – это я чувствовал и взаимно не питал к ней теплых чувств. Два сложных характера – она и моя мать ладили с большим трудом (из любви к «Егорчику», как они обе его называли). Мать терпела М.Н. только пока был в доме сам Егорчик, а когда его осенью 1941 года призвали в армию, выжила ее из собственного дома и сплвила дочери Наталье.

После мобилизации Георгия направили в учебный лагерь в Черемушки (Кузбасс?), учили на пулеметчика и в начале 1942 года направили с маршевым батальоном в сторону Северо-Западного фронта. За маршрутом эшелона мы проследили по денежным переводам. Будучи человеком опытным, он посылал с каждой крупной станции по 10—15 рублей, хорошо понимая, что письма могут по дороге затеряться, а вот перевод – никогда. На Северо-Западе зимой 1942 года шли особенно тяжелые бои – Красная Армия готовилась прорвать блокаду Ленинграда.

Ни одного письма с фронта мы так и не получили, он по сообщению военкомата числился «без вести пропавшим». Я предполагаю, что их батальон на ближних подсту-

пах к линии фронта попал под бомбежку, в которой мало кто уцелел. В регулярную часть он так и не прибыл.

Мои воспоминания о жизни с отчимом и его близким несколько затянулись и пора возвращаться непосредственно к своим делам.

1 сентября 1940 года я пришел в 5-й класс семилетней школы №11. В одном классе со мной оказались мой брат Евгений (дважды второгодник!), соученик по 2—3 классам Сергей Войцеховский, Волосатов и еще кое-кто из старых знакомых по школе №7. Были у нас неплохие преподаватели, в том числе даже мужского пола: математику преподавал П. Криворотов – директор школы; русский язык и литературу – Нижегородцев, историю – Е. Ключкова. Даже пение преподавал мужик – фамилию не вспомню. Он неплохо играл на гитаре и пел, разучивал с нами не только «Варшавянку», «Интернационал» и другие патриотические песни, но еще рассказывал об их авторах и историю создания песни.

Любимым моим предметом стала история, а с учительницей возникла взаимная симпатия (чисто деловая!) и она обеспечила меня учебником «История древнего мира» (дефицит!) в числе самых первых. Очень сильным преподавателем была Прозорова – большая поклонница Тимирязева и называла его только по имени-отчеству (Климент Аркадьевич). В нашем же классе учился ее сын-скрипач. Больше всего я не любил уроки немецкого языка, хотя преподавала его Воробьева Эмма (Михайловна, кажется), яркая, очень кра-

сивая блондинка – волосы были совершенно белые, причем не только у нее, но и у ее дочери. В школе был небольшой буфет, в котором почти всегда придавали вкусные пирожки с картошкой.

В классе уже наблюдались зачатки любовных «страданий» – записочки, стрельба глазками и прочие сигналы симпатий. И меня эта «эпидемия» не миновала: я попал «под обстрел» со стороны Лиды Головчанской – малопривлекательной, но очень настырной хохлушки. Избавиться от ее преследований было нелегко. Многие из одноклассников уже курили, матерно ругались, играли на деньги... Наиболее «отпетыми» были Волосатов и Дружинин. Мой брат Жека ничем не выделялся, кроме телосложения, казался спокойным и даже флегматичным. Видели бы его на футбольном поле!

Сразу после окончания учебного года меня отправили в пионерлагерь в Жуковку. Там у меня состоялось два знакомства с людьми, сыгравшими заметную роль в моей жизни. Я попал в один отряд с Геннадием Кугаевским. Именно он по своему выбору подобрал ребят в свою палату. Такое «самовластие» ему позволяли потому, что начальником лагеря была его сестра Ирина. Она была, в свою очередь, женой фотохудожника Елисеева, работавшего в «Тобольской правде». Все это я узнал позднее, когда мы надолго подружился с Генной. В нашем отряде он был безусловным лидером.

Другим лидером стала Людмила. Это она расписала своих подружек по «женихам». Себе она, естественно, выбрала Ге-

ну, а своей лучшей подружке Иде Арефьевой назначила меня. «Жениховство» было, разумеется, формальным, да оно и не могла быть иным, так как всем нам было не больше 13 – 14 лет. Однако, жизнь повернулась так, что Ида позднее стала моей подругой на годы. Но об этом будет сказано ниже.

3. Война

22 июня я с Евгением и его друзьями был на стадионе, а когда мы вернулись домой, узнали, что началась война. Теперь над нами можно посмеяться, но тогда мы были рады: еще бы! – в наши головы крепко вбили, что «от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее». Мы верили, что забугорный рабочий класс только ждет «искры», чтобы свергнуть гнет капиталистов-угнетателей, и пролетариат всех стран соединится, чтобы свершить Мировую революцию. Самое «смешное» случилось на следующее утро, когда радио сообщило, что атаки фашистов повсеместно отбиты, а наши взяли в плен 5 000 захватчиков.

Эйфория прошла быстро: в сводках информбюро замелькали названия оставленных городов, у военкомата и на пристани стоял вой женщин, провожавших на войну мобилизованных мужей, отцов и сыновей, в магазинах быстро исчезли макароны, крупа, мыло, спички, соль, опустели полки, еще недавно забитые многолетними запасами банок с крабами «chatka». Уже в августе с приходом каждого парохода прибывали эвакуированные из Одессы, Риги, Минска... Начали прибывать не только беженцы, но и организации. Для их размещения закрывали школы, какие-то конторы, общественные организации. К нам в дом «на постой» направили семью из Ленинграда: женщину, ее мать, дочь и сына.

Мальчику было не больше трех лет и он целыми днями ходил за бабушкой и просил кусочек хлеба, «ну хоть корочку, ну только попробовать...» Жалко было пацана, но и помочь я не знал как, поскольку карточной нормы хлеба уже и самим не хватало. Девочка примерно моего возраста вела себя очень достойно, удивляла меня своей выдержкой и скромным поведением. Жили они у нас недолго, месяца два – три, а потом женщину направили куда-то на работу (думаю, в район; вероятно, она была ценным работником).

Следующими постояльцами оказалась семья Коржавиных – он был начальником «Мельстроя», его жена Мария и дочь Мира лет пяти сидели дома. Рост численности населения города за счет эвакуированных был значительным, поэтому вопрос обеспечения людей хлебом стал первостепенным. Без новой мельницы эту проблему решить было невозможно. Так наш квартирант стал одной из важнейших фигур в городе, поэтому для него к нам в дом даже провели временную телефонную связь и по вечерам он часто звонил в Омск – наш областной центр.

Он был большим любителем пива (как он его доставал – не знаю) и раза два – три угощал меня пивом и ржаными сухариками, размоченными пивом в блюдце и посыпанными солью.

У всех работающих день стал ненормированным. Мать работала бухгалтером на пристани Госпароходства и после обычного трудового дня конторских выгоняли на выгрузку

грузов, прибывавших для обеспечения не только нужд города, но и для эвакуированных предприятий. Плохо было не только со снабжением, но и с работой старых городских предприятий (бани, электростанции, водопровода), поскольку число потребителей резко возросло и мощностей предприятий не хватало.

Как я уже вскользь упоминал, и мать, и отчим были схожи своей запасливостью, поэтому у нас в подполье, в кладовке были огромные запасы муки, консервов, рыбы соленой, конфет и прочих продуктов, огромная корзина папирос, табака, махорки, но все было в неприкосновенности, так как нельзя было показать квартирантам наши богатства. Я знал это, но вынужденно терпел до поры – до времени.

Наша школа была расформирована и в 6-й класс я уже пошел в «главную» школу города – среднюю школу №1. Школа оказалась переполненной, только шестых классов было, по моему, пять. Не помню точно, кто из моих бывших соучеников попал в наш класс, но в нем оказалось много эвакуированных. Прежде всего, были девочки из московского детдома: Нина Десятчикова, Тамара Родина, Тамара Смирнова, Катя Духонина и Капелькина. Москвичами также были Истомин и Юдин (прирожденный артист – великолепно читал вслух литературные отрывки из учебника, особенно диалоги, меняя голос). Рядом с нашим был еще один шестой класс и там появилась яркая ленинградка Михина Ирина. С ней у меня завязалась дружба (не сразу!), которая затя-

нулась на целые десятилетия (дружим уже седьмой десяток лет).

Все эвакуированные заметно отличались от нас – аборигенов каким-то особым умением держать себя, большим кругозором и выговором, отличавшимся от сибирского. Характеры, таланты и наклонности были разные. Десятчикова вскоре стала лучшей ученицей, была самой серьезной. Родина покорила меня виртуозным владением скакалкой: танцевать, прыгая через быстро мелькавшую веревку, кроме нее, не мог никто. Смирнова отличалась какой-то вульгарной раскованностью, а Капелькина и Духонина были тихи, скромны и незаметны – настоящие «серые мышки».

В нашей школе не оказалось многих моих бывших соучеников. В городе появились два новых ремесленных училища (в дополнение к «старому» РУ №2 связистов) и школа ФЗО. Добровольцев учиться там было немного и набор в них осуществлялся мобилизацией. Одним из первых в новое РУ был мобилизован Евгений. Училище было с металлургическим уклоном. Другое училище готовило металлообработчиков, а школа ФЗО – кадры для речного флота.

Уже летом 1942 года нас начали гонять на общественные работы: заготовку дров для школы (водяное отопление классов обеспечивала собственная котельная), на прополку овощей в подсобном хозяйстве. Опыт голодной зимы заставил разделать под картошку все пустовавшие раньше земли и создавать подсобные хозяйства. Основными культурами

в частных огородах были картошка, капуста и табак; остальные овощи отошли на второй план. Работа в собственном огороде – запас воды, поливка и даже прополка вошли в мои обязанности. Хотя я уже «профессионально» покуривал, сажать табак не решался. Его мать посадила для меня только весной 1943 года.

С началом войны в городе сильно обострились квартирные проблемы (они и до войны существовали). Кроме уже упомянутых выше постояльцев жили у нас непродолжительное время супруги Табаченко – Костя и Галя. Жить долго, судя по всему, у жильцов не доставало терпения. Воркотню матери по поводу мелких оплошностей («не так поставила», «плохо прикрыла», «громко стукнула», «не вовремя закрыла») никто не мог долго выдержать. Вот и Табаченки жили только одну зиму, а весной переселились на пароход, где Костя начал плавать капитаном. В середине лета они предложили мне сходить с ними в рейс. Я с радостью согласился. Для меня это был великолепный отдых от деспотизма матери. Забот у меня на судне практически не было, только на каждой стоянке я занимался рыбалкой на блесну. Бывали и удачные забросы: однажды на одной заводи поймал трех достаточно крупных щук. Во время стоянки в селе Покровском, недалеко от Тюмени, мне показали дом Гришки Распутина и рассказали, чем он знаменит. Дом его и в те годы отличался от остальных величиной и добротностью. Жить на пароходе-буксире мне очень нравилось. Мое пристрастие к вод-

ному транспорту только крепло.

1 сентября 1942 года я пришел в свой 7-й класс. Учащихся из пяти шестых осталось всего на три седьмых. Из нашего прошлогоднего шестого осталось не больше половины, в том числе все детдомовки – москвички. Пришли Гена Кугаевский, Ира Михина, Борис Мозолевский, Панделин, Прозоров, Гринберг... Я, естественно, хотел сесть со старым другом Геной, но классная дама рассадилась всех по своему – мне в соседки досталась Ира. Как-то незаметно мы с ней все больше сближались. Я начал бывать у них дома. Ее мама Татьяна Николаевна работала в учительском институте, а отец Виктор Сергеевич – в институте ГосНИИОРХ. Оба кандидаты наук, интеллигентнейшие люди, жили на улице Почтовой, в убогой квартире, состоявшей из просторной комнаты и маленькой кухни, отопление печное. У них, кроме Иры, была дочь Ксана, на три года моложе. И вот в этом старом деревянном одноэтажном домишке, с удобствами на улице, стояла простенькая этажерка с великолепной библиотекой. Заядлый книголюб (уже!), я ходил к ним, как в библиотеку и перечитал всего Капитана Морриэта и других новых для меня авторов. Тогда я не заглядывал далеко и не думал, что в студенческие годы эта семья станет для меня почти родной..

В этот же год в число прочитанных книг попала и «Три мушкетера», которую я прочитал «запоём», а дал мне ее Аркашка Гринберг. Эту книгу я позднее перечитывал много-

кратно и посмотрел несколько фильмов по мотивам этого романа. Со временем я мог бы поставить рядом с романом Дюма только роман В. Каверина «Два капитана».

Наступили зимние каникулы и Борис Мозалевский предложил мне совершить лыжный поход в деревню, где работал и жил его отец. Поход оказался значительно труднее, чем мы ожидали: стемнело раньше, чем мы успели пройти полпути. Дойдя до ближайшей деревни, а это были татарские юрты, где жили знакомые Бориса, вернее – его семьи, мы остановились на ночлег, но до этого нам еще посчастливилось поужинать вместе с хозяевами. Здесь я впервые попал за татарский «стол» – стола, как такового, не было, сидели прямо на полу, поджав ноги. Еда была потрясающая: белая домашняя лапша с бараниной в бульоне. Есть можно было «от пуза», но вот сиденье было не только неудобным, но и весьма рискованным: существовал риск опозориться из-за переполненного желудка.

Утром, неожиданно-негаданно, в юрты приехал на подводе сам Мозалевский – старший и дальше мы уже ехали на лошадке. Вот только когда и как мы добрались домой – не помню. Между тем, началась III четверть и ничто не предвещало беды, а она уже была рядом. В последних числах февраля в школу нагрянула комиссия и начала отбирать кандидатов в ремесленное училище. Я надеялся быть забракованным по зрению, но не получилось – когда я заявил о своем дефекте, председатель комиссии заорал: «Врет он, врет»! Так

с 1 марта 1943 года я оказался мобилизованным в ремесленное училище №2 связистов.

Нашу группу (а группы по-военному называли взвод) №20 называли «радиооператорами», но уже через месяц мы вдруг стали «механиками телеграфа». Учебные часы постоянно отменялись из-за возникавшей потребности выполнять физические работы: дрова (в училище было печное отопление), уборка снега, доставка воды – из-за частых поломок водопровода иногда приходилось доставлять воду (на гору!) в огромных бочках, установленных на сани. Между прочим, этим же занимались и курсанты артучилища, расположенного поблизости от нас.

Кормили три раза в день, но скудно и однообразно: по 200 граммов хлеба на прием (всего 600 граммов), чай утром, «болтушка» и каша в обед и снова каша на ужин. И все-таки это было больше, чем на многих предприятиях. В мае наш взвод (группу) обули в лапти, выдали еще по запасной паре, выдали топоры, пилы и повезли в лес между деревнями Защита и Сузгун на лесозаготовки, установили норму 20 кубометров «на нос» двухметрового долготья для дров. Жить нам предстояло прямо на месте работы, а еду будут привозить один раз в день. Разбились на пары, начали строить шалаши для отдыха и ночлега. Моим напарником стал Валентин Скипин, с которым в друзьях мы не были, а друг мой закадычный Генка взял в напарники Мишку Давыдова по прозвищу «Татарин», с которым он в последнее

время все больше сближался. Причину этого я узнал много позже и звалась причина Розой – это была родная сестра Михаила.

Постепенно наш лагерь обустроился, выросли шалаши, около каждого небольшой костерок, пришла пора добратся до воды. Наша площадка возвышалась над Иртышом метров на 70, если не больше и заканчивалась крутым обрывом. Даже просто смотреть вниз было поначалу страшновато, а уж спускаться... И все-таки страх был преодолен, был найден приемлемый маршрут спуска, а вскоре мы освоились так, что спускались уже не ползком, а прыжками с уступа на уступ. Добравшись до берега, можно было осваивать рыбный промысел. Самыми заядлыми рыбаками были Генка и я, и, совершив нелегальный выход в город, мы принесли в лагерь снасти и могли иногда пополнить свой скудный казенный харч рыбкой, собственноручно добытой.

В своем рассказе о лесозаготовках я сознательно на передний план вывел быт (он для нас был важнее всего), а труд вроде бы позабыл. Работали! Валили деревья (тупые пилы точили сами), распиливали стволы на двухметровые кряжи и укладывали в штабеля. Обрубленные сучья тоже шли в дело – служили дровами для костров, а те, что помельче – подстилкой в шалашах, чтобы спать было помягче. У каждой пары лесорубов были свои штабеля и мы их раз в неделю сдавали мастеру, который вел учет выполнения плана. Не было среди нас «стахановцев», так как знали: пара, первой вы-

полнившая план, все равно домой не уедет, будет помогать выполнить план отстающим. Вот и шли пары по выработке «ноздря в ноздю».

В город возвратились ближе к концу июля и еще успели немного покупаться и порыбачить. На свои заветные места уходили по старой привычке с Генкой, но разлад между нами уже наметился. И вызван он был исключительно его пристрастием к женскому полу. Вскоре я узнал, что он уже успел познать радость тайного «супружества» с одной из учениц нашего же ремесленного училища. Очень красивой девицей, между прочим!

В самом конце июля Геннадий собрал нас, самых ближайших друзей – меня, Мишу Давыдова и Сашу Зыкова («Сану») и предложил на месяц податься в деревню Волгина, где председателем колхоза был их близкий знакомый. В годы войны председатель-мужик был большой редкостью, всюду колхозы возглавляли женщины, да кое-где мужики-инвалиды. Сомнений и возражений с нашей стороны не последовало и мы вчетвером пешочком отправились работать в колхоз (еще Шолохов в «Поднятой целине» вложил в уста деда Щукаря фразу: «Колхоз – дело добровольное»!)

Протопав двенадцать километров, мы предстали перед очами председателя. Он нам обрадовался, как родным, а, узнав Геннадия, проникся к нам доверием. Рабочих рук в колхозе не хватало, погода стояла отменная, урожай был приличный, хотя и не рекордный, так что мы пришли весь-

ма кстати. Он быстро распределил нас на постой (всех по отдельности), послал «гонцов» за предполагаемыми хозяйками («гонцами» служили пацаны-малолетки, постоянно крутившиеся близ правления), объявил им кто у кого будет на постое, где и сколько они получают продуктов для нашего прокорма и приказал утром явиться на развод. Норму он нам установил щедрую: 800 граммов хлеба, литр молока и два килограмма картошки. Плата за работу нам будет натурой: два мешка картошки за месяц работы (по 12 ведер каждому – это нам было понятнее, чем в килограммах).

С 1 августа началась наша колхозная жизнь, работать довелось практически на всех мужских работах: на заготовке сена, уборке картофеля, возили с поля снопы хлеба... Вечерами немногочисленная молодежь собиралась на «вечёрки», пели частушки под балалайку. Нас поразило то, что большая часть частушек была матерная и пели их все, в том числе и девчонки. Запомнились такие:

Ой, маменька, жени меня,
Страсть жениться я хочу,
Если ты меня не женишь,
Х... печку сворочу,

Или еще:

Алемасовский колхоз,

До чего добился:
Председателя е...
Кто распорядился?

Колхоз «Алемасовский» можно было заменить колхозом Ворогущинским или Винокуровским по названию близлежащих деревень – все было бы справедливо: везде председательствовали женщины, а их мужья воевали или уже отвоевались. Похоронки в 1941 – 42 годах шли пачками. Из мужиков, призванных в два первых года войны, мало кто выжил. Так что в колхозах власть принадлежала женщинам-председателям и распоряжаться когда и с кем ей спать могла только она сама.

Поначалу нас шокировало употребление всеми жителями села – без различия пола и возраста – слов, в нашем понимании, матерных, но вскоре поняли, что это нормальное, бытовое, естественное название предметов и действий человека. Вот только если эти же самые слова употребляют в ходе ссоры или брани – тогда это уже мат! А если просто в разговоре, то это исконно русское обозначение. И почему эти же вещи в иностранной транскрипции произносить не стыдно, а это же самое, но по русски – стыдно? Вот такая в деревне философия.

Мы быстро освоились, питались вместе с хозяевами, спали на тюфяках, набитых душистым сеном, мылись по субботам в бане вместе с ними (и не стыдились – а чего стыдиться,

это же баня, а не что-то другое!). По работе к нам претензий не было, наш труд был очень нужен колхозу. Месяц пролетел быстро, пора было прощаться. Вот тут-то председатель и высказал крамольную мысль: «А может, еще на месячишко останетесь? Ведь молотья же на носу!» И мы остались. Да не посадят же нас, если мы в училище явимся только в октябре!

Второй месяц ознаменовался работами на гумне. Начался обмолот снопов хлеба. Мы так освоились с сельхозработами, что мне доверили целую смену работать подавальщиком на молотилке. Нужно было у поданного подручной женщиной снопа быстро разрезать вязку, распустить сноп и тонким слоем подать в жадную пасть молотилки. Нельзя было допустить на зубья быстро вращающегося барабана слишком толстую прядь. У меня получилось как надо. А приводом молотилки служила просто лошадка.

За два месяца мы заработали по 25 ведер картошки, что было великим подспорьем на зиму. Да и сами неплохо отъелись. Картошка осталась на хранение у хозяев в подполье. Я свою вывозил зимой на саночках за четыре рейса.

Зима 1943 – 44 годов прошла без особых событий, если не считать, что я уже стал «официальным» курильщиком (табак для меня вырастила мать в нашем огороде). Я все реже появлялся в стенах училища, так как увлекся изготовлением клеток для птиц, которых тоже сам ловил. Делал с выдумкой и не только для себя, но и продавал. Не посещая учили-

ща я, естественно, не получал и удовольствия: меня лишали одежды, питания и прочих «благ». Чаще всего утром я уходил в училище, завтракал вместе со всеми, а потом уходил домой. Дома питался тем, что украл: я ловко проникал через крышу дома и слуховое окно в нашу кладовку, где хранились продукты (мать хвасталась: «Вот вернется домой Егорчик, а я все сохранила»), брал немного муки (вскоре заметил, что в ней появились черви и мне пришлось ее просеивать через сито), отрезал кусок соленой рыбы, а затем на печке-железке варил себе «болтушку», кипятил чай и пил его с шоколадной конфеткой. Брал всегда немного – только на один раз. Вот только банки с консервами не трогал, не хотел рисковать: они наверняка были сосчитаны.

Постепенно мои воровские способности повысились: я научился вскрывать сундуки (их у нас было три). Не трогая замки, а просто отодвинув нужный мне сундук от стенки, я выбивал пробой шарнира и открывал крышку с задней стороны. Я хорошо знал, где лежали канцтовары (наследство от отца), одежда, ткани и прочие ценности. Меня интересовали, в основном, писчая бумага, тетрадки, резинки-ластики, тушь, ватманская бумага (а школьники уже писали на газетах). Позднее отрезал полосу черного сукна, чтобы вставить клинья в брюки и сделать себе клеш (50 см!). Шил сам на швейной машинке.

Бывало, что не успевал (или забывал) надежно спрятать украденное и тогда мать била меня «смертным боем». Одна-

жды, когда я убежал от ее побоев, она запустила в меня топор и он впился в доску забора (чуть-чуть не в голову!) Била она меня часто и иногда по пустякам, а я только защищался, хотя был сильнее ее.

В училище мне объявляли выговоры, грозили жесткими карами, а я сознательно жил на грани «фола», с целью выйти, минуя тюремные ворота. Из ремесленных училищ было два выхода: на производство или в тюрьму. Между прочим, брат мой Женя в Кузбассе выбрал второй путь – побег и 4 месяца заключения. Отсидев свой срок, он сразу был призван в армию, попал в 1-ю дивизию НКВД им. Дзержинского, так как по росту и телосложению вполне подходил в эту элитную воинскую часть. Воевал до Победы и вернулся домой в 1947 году.

Ранней весной 1944 года нас, пять групп учеников трех ремесленных училищ и школы ФЗО общим числом около 150 человек, погрузили на баржи, и буксирный пароход повез от Тобольска вниз по Иртышу вслед за льдом. В училище нам выдали сухой паек из расчета на десять дней – по две буханки хлеба, который мы «оприходовали» практически полностью за два: многие из нас за годы войны хлеба в таком количестве ни разу в руках не держали. Сейфов и тумбочек с замками у нас, естественно, не было, так что хранить ценнейшее продовольствие, кроме собственных желудков, было негде. А оставить без присмотра... Так что к месту назначения – на остров посередине реки близ села Демьянское –

мы прибыли налегке. Остров был удален как от левого, так и от правого берегов реки на весьма приличное расстояние, а на самом острове были постройки в виде барачков, в которых до нас жили, вероятно, ээки.

Село Демьянское – районный центр – стоит на правом берегу Иртыша, в 300 км от Тобольска. С острова, на который нас высадили, села не было видно, зато хорошо были видны огромные штабеля строевого леса, который нам предстояло погрузить на баржи-лесовозы. Технология погрузки была до примитивности проста: на высокий борт баржи с суши были наклонно уложены шестиметровые бревна (2 штуки), по которым с помощью длинных веревок нужно закатить очередное бревно. Сами мы на борт баржи поднимались по узкому длинному трапу.

С началом светового дня начиналась наша работа. Завтрака не было, так как все уже было съедено. В полдень был перерыв как бы на обед, но вместо обеда нам выдавали по соленой селедке на двоих и вдоволь воды прямо из реки. Рацион «ужина» в конце светового дня от «обеденного» не отличался. Уже на третий – четвертый день мы настолько ослабели, что начались голодные обмороки, паденья с трапа в воду, а самые слабые уже с трудом поднимались на ноги. На всю жизнь запомнилась не только красная морда начальника, но и его фамилия – Захаров. Какую должность он занимал во властных структурах – не знаю, но хорошо помню, что на нем были брюки-галифе цвета хаки с кожей на всю

задницу. Нрава он был зверского, мы его люто возненавидели.

Невыносимые, практически каторжные условия работы, в сочетании с голодом, привели к тому, что сколотилась группа единомышленников из 12 человек, решившихся на побег. Мой друг Генка был отличным пловцом и глубокой ночью он вплавь добрался до левого берега, где мы еще днем заприметили небольшую лодку. На этой лодке мы двумя группами по 6 человек переправились на правый берег, заросший густым лесом. С рассветом мы начали поиски тракта, которые успехом не увенчались, и решили посоветоваться: что делать дальше? Мнения разделились и семь человек приняли решение возвращаться на остров, а пять человек, в том числе я, мой однокашник Шарков Валя и три ФЗОшницы решили продолжить поиски тракта. К вечеру мы, наконец-то, выбрались на него. Предстоял 300-километровый путь в Тобольск без продуктов, без теплой одежды, без надежды на помощь.

Мир не без добрых людей, и в деревнях люди с пониманием относились к трудному положению беглецов-подростков. Они верили нашим рассказам и как могли поддерживали нас: хлебом, картошкой, ночлегом... Совсем как в старинной песне:

Хлебом кормили крестьянским меня,
Парни снабжали махоркой...

Вскоре наша группа распалась: это случилось на самом длинном перегоне тракта – 45 км без единой деревни и только посередине кордон «Половинка», служивший для запоздалых путников чем-то вроде постоянного двора. Здесь у нас случилась очередная ночевка. Среди ночлежников нашелся какой-то знакомый одной из девочек, да еще и с подводой, и они решили, бросив нас, дальше идти (или ехать?) с ним, и мы вдвоем с Валентином побрели дальше, поддерживая друг друга.

Перед селом Уват тракт переходил на левый берег Иртыша, предстояла переправа, но до этого ноги привели нас на «выселки», где жили репрессированные и высланные из родных мест люди. Попросив у одного из домов хлеба, мы оказались совершенно неожиданно чуть ли не гостями: хозяйка, женщина могучего телосложения, пригласила нас в дом, усадила за стол и поставила перед нами жаровню с тушеной картошкой с мясом! Мы не знали, как благодарить сердобольную женщину, а она по-матерински жалела нас и все причитала: «Что делается?!» Идти стало легче, и на седьмой день пути мы вечером добрались до дома.

Утром следующего дня мы предстали «перед грозные очи» нашей директрисы. Наказания не последовало, но меры она приняла – немедленно доложила властям о недопустимом положении несовершеннолетних «рабов». Меры были приняты, а работы по погрузке леса на баржи были все-таки за-

вершены, баржи были отбуксированы в Тюмень, лес перегружен на железнодорожные платформы, которые вскоре покатили в сторону фронта. Возможно именно этот лес и ожидал для осуществления своего замысла тогда еще генерал армии Рокоссовский, готовивший фронт к операции «Багратион». Когда я в очередной раз смотрю сериал «Освобождение» и вижу, как наши солдаты по пояс в воде укладывают в болото бревна, чтобы обеспечить проход тяжелой технике – танкам, самоходкам, то думаю: а может быть это те самые – «наши» бревна. Мы тоже вносили свой вклад в нашу Победу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.